

УДК 821.161.1.9(Распутин В. Г.)
ББК Ш5(2Рос=Рус)4-6

ГСНТИ 16.21.55; 16.21.27

Код ВАК 10.02.01; 10.01.01

С. В. Власов S. V. Vlasov
Москва, Россия Moscow, Russia

**ПУБЛИЦИСТИКА РАСПУТИНА:
ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛАВЯНОФИЛЬСКОЙ
ЖУРНАЛИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ**

Аннотация. Прослеживается переключки тем и проблем публицистики В. Г. Распутина со славянофильской журналистикой XIX в. (в частности, с публицистикой К. С. и И. С. Аксаковых). Обосновывается, что обращение к исторической и современной публицистике на уроках литературы в школе дает представление о непрерывности национальной традиции в отстаивании русскости, народности, самоидентификации в культуре и повседневности.

Ключевые слова: В. Г. Распутин; Запад; И. С. Аксаков; К. С. Аксаков; народность; публицистика; А. С. Пушкин; славянофилы; театр.

Сведения об авторе: Власов Сергей Валентинович, аспирант кафедры русской литературы и журналистики XX—XXI вв.

Место работы: Московский педагогический государственный университет.

Контактная информация: 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, к. 206.
e-mail: aspirantura_upr@mpgu.edu.

**SOCIAL AND POLITICAL ESSAYS
BY RASPUTIN: CONTINUATION
OF SLAVOPHIL JOURNALISTIC TRADITION**

Abstract. There is an exchange of topics and problems of social-political essays by Rasputin and Slavophil journalism of the XIX the century (with works by K. S. and I. S. Aksakovs in particular). It is proved that introduction of historical and modern social-political essays into the lessons of literature at school helps pupils realize continuity of national tradition in defending Russianness, national spirit, self-identification in culture and everyday life.

Key words: V. G. Rasputin; West; I. S. Aksakov; K.S. Aksakov; national tradition; social-political journalism; A.S. Pushkin; Slavophil; theatre.

About the author: Vlasov Sergey Valentinovich, Post-Graduate student of the Chair of Russian Literature and Journalism XX—XXI centuries.

Place of employment: Moscow State Pedagogical University.

История отечественной публицистики знает яркий этап полемики по культурно-духовным и нравственным вопросам между славянофилами, почвенниками и западниками. Середина XIX в. — время расцвета славянофильства, которое отшлифовывалось на страницах аксаковской газеты «Молва», журнала «Русская беседа», оппонировавших катковскому «Русскому вестнику» (и другим изданиям).

В конце XX и начале XXI в. вновь звучат те же давние тезисы. Несмотря на современный «глобальный мир», они во многом остались неизменны и возникают в телевизионных дебатах, на страницах журнала «Наш современник». Одним из ярких выразителей идей антизападничества нам представляется В. Г. Распутин, особенно в публицистическом творчестве, в его знаменитых диалогах с В. С. Кожемяко.

Вначале, чтобы обозначить эстафету славянофильского дискурса, принятую В. Г. Распутиным, обратимся к идеям XIX в.

Одно из базовых понятий славянофильства — *народность*, связываемая адептами «Молвы» с простым народом, противопоставленным правящим классам. Народность — это «мера глубины и адекватности отражения в художественном произведении облика и мирозерцания народа», «мера эстетической и социальной доступности ис-

кусства массам», — читаем в «Литературном энциклопедическом словаре» [Смирнов 1987: 235]. Возникшая в трудах западноевропейских предромантиков, подхваченная романтиками, концепция народности получила социально заостренное звучание в российской революционно-демократической критике.

Для русского человека «вполне закономерно, не отрицая других народностей, уделять преимущественное внимание своей, наиболее ценить и любить ее, понимать ее существенные особенности. Так в статье „О значении народности“ („Смесь“, № 24) выражается возмущение теми, кто признавая народность в других, не признает ее в русских: „всякая национальность в мире хороша и позволительна, не дозволяется же существовать из всех народов мира одним русским“» [Рейфман 1981: 73].

В речи, произнесенной 7 июня 1880 г. на заседании Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете, посвященной открытию памятника А. С. Пушкину в Москве, И. С. Аксаков рассуждал о народности, находящейся не в чести у официоза: народность, по словам И. С. Аксакова, «как ртуть в градуснике на морозе, сжалась, сбегала сверху вниз, в нижний слой народный; правильность кровообращения в общем организме приоста-

новилась, его духовная цельность нарушена. Простой народ притаился, замкнулся в себя, и над ним, ближе к источнику власти, сложилось общество: вольные и невольные отступники от духа» [Аксаков 1982б: 265]. Через сто с лишним лет после И. С. Аксакова свою тревогу за русский народ высказывает В. Г. Распутин: «В России больше 80 процентов русских, надо, не боясь национализма, обратиться к их национальному чувству. От национализма культурного, озабоченного воспитанием народа в лучших (в лучших!) национальных традициях, никому опасности быть не может. Напротив, это — сдерживающее начало от агрессивности, которая сейчас, к несчастью, поразила весь мир. Что плохого, если мы учим: нельзя мне поступать дурно, ибо я русский» [Распутин 2012: 15—16].

И. С. Аксаков, открывая в 1859 г. еженедельную газету «Парус», декларирует «знамя» нового издания: «Наше знамя — русская народность. Народность вообще — как символ самостоятельности и духовной свободы, свободы жизни и развития, как символ права, до сих пор попираемого теми же самыми, которые стоят и ратуют за право личности, не возводя своих понятий до сознания личности народной! Народность русская, как залог новых начал, полнейшего жизненного выражения общечеловеческой истины» [Аксаков 1982а: 254].

Переключка между Аксаковым и Распутиным очевидна. Пафос распутинской публицистики, таким образом, вписывается в историю развития русской мысли, традицию.

Следующий тезис славянофильства, если использовать современную лексику, — *толерантность*. «Так, в одной из рецензий редактора „Библиографии“ (славянофильского издания) утверждалось, — пишет П. С. Рейфман, — что в России всегда существовала терпимость к иноземцам, что Россия, „при господстве русского элемента, всегда представляла собой совокупность народов, различных по племени, языку, вере, обычаям, законам“» [Рейфман 1981: 77]. «Я не могу, не умею быть нетерпимым к любому национальному чувству, если оно не диктует себя всем, так почему же считается преступлением мое национальное и патриотическое чувство?» [Распутин 2012: 18], — пишет В. Г. Распутин.

Мэтры русского славянофильства Иван Сергеевич и Константин Сергеевич Аксаковы не только призывали в своих публицистических текстах (речах, статьях) русских стать русскими, они это воплощали на практике, например демонстративно отказывались от западноевропейской одежды (сюртуков,

фраков и пр.). К. С. Аксаков отпустил бороду, так как борода, по его мнению, часть русского облика, и она «при русской одежде необходима», носил специально для него сшитую *святославку* (так Аксаковы называли верхнюю одежду, которая напоминала старинный зипун — долгополую одежду без ворота) и *мурмолку* (древнерусский головной убор в форме невысокого колпака из ткани с меховой опушкой), в таком виде ходил по улице и являлся в общество. Одним из его подражателей стал отец братьев Аксаковых, Сергей Тимофеевич Аксаков, отпустивший бороду и носивший святославку. Однако вскоре шеф жандармов А. Ф. Орлов увидел в такой моде угрозу общественному спокойствию и издал циркуляр о запрете ношения бороды дворянам и русской национальной одежды. С Аксаковых была взята персональная расписка, что они обязуются выполнить распоряжение [См.: Аксаковы 1982: 373].

Отдельные славянофилы считали, что полтора века (со времен Петра), которые отделили Россию от ее русскости, были самыми губительными: «Устремившись из своей тесной национальной ограды в пролом, сделанный мощною рукою Петра, русское общество, сбитое с толку, с отшибленной исторической памятью, избывшее и русского ума и живого смысла действительности, заторопилось жить чужим умом, даже не будучи в состоянии его себе усвоить. Нескладно и безобразно залепетало оно дикую смесь простонародного говора, церковнославянского языка и изуродованной иностранной речи. Чужой критерий, чужое мерило, чужие формы, чужое мирозерцание. Жизнь наводнилась ложью, призраками, абстрактами, подобиями, фасадами — и колоссальным недоразумением между народом и его так называемой „интеллигенцией“, официальной и неофициальной, консервативной и либеральной, аристократической и демократической» [Аксаков 1982б: 266]; «Кто бы ни был в том виноват, сам ли народ, Петр ли Великий, могло ли бы или не могло оно совершиться иначе, эти вопросы теперь излишни; важен сам исторический факт» [Там же: 265]. Полемизируя с западниками на страницах «Молвы», славянофилы подчеркивают превосходство допетровской России с ее общинным бытом как особенностью древнего уклада жизни над страной послепетровской. Идеализация древней Руси на страницах «Молвы» была основана на представлении о том, что этот быт соответствовал интересам простого народа, крестьянства, основам христианства, толкуемым в духе народных норм нравственности, проти-

вопоставленным жизни правящих классов [Рейфман 1981: 79]. О русском общинном духе писал И. С. Аксаков, утверждая, что общинный и хоровой строй жизни мало благоприятствовал развитию субъективности и индивидуализма: «Нам легче быть объективнее, чем кому другому. Кроме того, русский человек, непричастный истории европейского Запада, поставлен в выгодное относительно его положение уже потому, что может обозревать его извне, судить о нем с той свободой и всесторонностью...» [Аксаков 1982б: 277]. Об индивидуализме как отличительной черте западной ментальности неоднократно высказывается и В. Г. Распутин.

Уровень пафоса, поднятые темы, проблемы российского общества, ментальность россиян — все эти позиции, рассматриваемые в славянофильском дискурсе, унаследовал и публицист В. Г. Распутин.

Более века прошло со дня произнесенной И. С. Аксаковым речи о Пушкине — но роль поэта в истории русской культуры и ментальности не меняется, о чем говорит сопоставление фрагментов из текстов Аксакова и Распутина.

• Аксаков: *Точно день, белый день, настал для русского общества с появлением Пушкина. Призраки, обманные очертания ночи отшатнулись, уступив место правде дня с ее простотою и красотой. Творчеству русского духа, по крайней мере в сфере поэзии, возвращена свобода и полнота* [Аксаков 1982б: 268];

...Они <некоторые> укажут на множество стихов эротического и вообще легкомысленного содержания. Правда, их немало; но все эти стихотворения запечатлены характером шалости, забавы молодого таланта, хотя бы иногда и непозволительной, в которой и сам Пушкин потом горько раскаивался. <...> И никогда в своем храме, пред алтарем, не священнодействовал он пороку как принципу, не служил умышленному холодному разврату и божественным глаголом не сеял коварно безнравственности [Там же: 275];

• Распутин: *Он <Пушкин> и нас, нынешнее общество, высветил собою. <...> Не буду сейчас говорить об особой породе людей, ненавидящих вместе с Россией и Пушкина, о пошляках, зубоскалах и разного рода выступающих на фоне Пушкина, злобствующих, обделенных умом и талантом. <...> Но вот вспоминается торжественное собрание в Пскове, близ самых дорогих для Александра Сергеевича мест, накануне его дня рождения; переполненный праздничной, нарядной публикой зал, множество гостей*

со всей России — и Михаил Козаков на сцене, читающий Пушкина... под неприличные жесты. Зал смеется, аплодирует. Меня это потрясло. С Козакова взятки гладки, он по природе своей, может быть, так устроен, что не видит Пушкина без неприличия, но зал-то, зал! [Распутин 2012: 75—76];

• Аксаков: *Это был первый истинный, великий поэт на Руси и первый истинно-русский поэт, а по тому самому и народный, в высшем значении этого слова. Он до сих пор самый русский из всех наших поэтов. Он первый внес правду в мир русской поэзии и разрешил плен русского народного духа в доступной ему сфере искусства. <...> И не одному только искусству указал он путь, но всей вообще русской мысли, во всех ее разнообразных проявлениях, в слове и в жизни* [Аксаков 1982б: 279];

• Распутин: *Пушкин чувствен, необыкновенно красив и богат в стихе, он как дрожжи для души, поэзия его мироточива — конечно, он не вмещается в размер духовно укороченного нового человека, он для этого мира чужак. А народ, интуитивно чувствуя это, вышел навстречу Пушкину как к одному из духовных спасителей* [Распутин 2012: 84].

Из множества культурообразующих институтов современного общества В. Г. Распутин все время возвращается к театру, но и там он не находит (как и на телевидении, в прессе, в образовании) традиционно русских основ, понятных простому человеку. Лишь один столичный театр, по мнению Распутина, достоин называться храмом искусства: «МХАТ Татьяны Дорониной — чуть ли не единственный театр в России, который во все 90-е годы и сейчас, ставя Достоевского, Островского и Горького, говорит об обездоленных, и уж, конечно, не как о людях низшего сорта, а как о несчастных с сердцами благородными и добрыми, не способными идти против совести. Другого такого театра в России с подобным репертуаром я не знаю. В нынешней литературе сострадательные слезы есть, но „Униженных и оскорбленных“ никто не написал. Да литература и сама нуждается в сострадании: одна ее часть, благополучная, — потому что развратна, зла и высокомерна, а вторая, продолжающая традиции отечественной словесности, — потому что сама отвержена и поругана» [Распутин 2012: 139—140].

Проблему театра поднимали и славянофилы: «Редакция „Молвы“ обращается... к проблеме русского народного театра... Опубликована большая статья В. П. „О театре“. Автор ее указывал, что подлинное театральное искусство должно быть массовым,

образовательным зрелищем, доставляющим эстетическое наслаждение и воспитывающим нравственно зрителей. Такого театра, по мнению В. П. (В. П. Попова) в России нет и никогда не было. Со своего появления, с Сумарокова, русский театр был далек от народной жизни, подражал французскому, Расину, переряжая его героев в русские кафтаны. <...> Подлинный же идеал Попов видит в следовании традиции пушкинской „Русалки“, в обращении театра к жизни народа» [Рейфман 1983: 81—82].

Публицистику В. Г. Распутина роднит со славянофилами и главная мировоззренче-

ская антитеза — противопоставление России и Запада. Совпадение мнения современного автора с сентенцией полуторавековой давности демонстрируют 1) традиционность взглядов В. Г. Распутина и 2) не утрачившую актуальность проблем, поднятых полтора века назад.

Если перемежать фрагменты публицистики XIX в. и современной, складывается единый органичный текст, в котором одна часть плавно переходит в другую, дополняя ее, конкретизируя, заостряя; текст славянофилов И. С. и К. С. Аксаковых воспринимается вполне современным:

Иван Аксаков, Константин Аксаков	Валентин Распутин
Противопоставление Запада и России	
<p><i>...Русская земля подверглась внезапно страшному внешнему и внутреннему насилию. Рукой палача совлекался с русского человека образ русский и напяливалось подобие общеевропейца. Кровью поливались, спешно, без критики, на веру, выписанные из-за границы семена цивилизации. Все, что только носило печать народности, было предано осмеянию, поруганию, гонению; одежда, обычаи, нравы, самый язык, — все было искажено, изуродовано, изувечено [Аксаков 1982б: 265].</i></p>	<p><i>Национальная униженность — это ведь не только предательство национальных интересов в политике и экономике и не только поношение русского имени с экранов телевидения и со страниц журналов и газет... Это и издевательство над народными обычаями, и осквернение святынь, и чужие фасоны ума и одежды, и вывески, объявления на чужом языке, и вытеснение отечественного искусства западным ширпотребом самого низкого пошиба... и чужие нравы, чужие манеры, чужие подметки — все чужое, будто ничего у нас своего не было [Распутин 2012: 17].</i></p>
<p><i>Русский человек из взрослого, из полноправного, у себя же дома попал в малолетки, в опеку, в школьники и слуги иноземных всяких, даже духовных дел мастеров. Умственное рабство перед европеизмом и собственная народная безличность провозглашены руководящим началом развития. Только такому мозучему народному организму, каков русский, под силу вынести и перебыть подобное испытание, которому, впрочем, конец далеко еще не настал. Тяжко пришлось русским людям; но обращаться вспять было уже нельзя... [Аксаков 1982б: 265—266].</i></p>	<p><i>Национальную идею искать не надо, она лежит на виду. — Это — правительство наших, а не чужих национальных интересов, восстановление и защита традиционных ценностей, изгнание в шею всех, кто развращает и дурачит народ, опора на русское имя, которое таит в себе огромную, сейчас отвергаемую, силу... Это — покончить с обезьяньим подражательством чужому образу жизни, остановить нашествие уродливой „культуры“, создать порядок, который бы шел по направлению нашего исторического и духовного строения, а не коверкал его. <...> ...Никогда народ не будет доверять государству, пока им управляют изворотливые и наглые чужаки! [Распутин 2012: 59].</i></p>
<p><i>Отнимать у русского народа право иметь свое русское воззрение — значит лишить его участия в общем деле человечества [Аксаков 1982в 3: 197].</i></p>	<p><i>...Издевательство, издевательство, издевательство над всем, что делает русского русским, что человека делает человеком [Распутин 2012: 28].</i></p>

Следует отметить, что обращение к исторической и современной публицистике на уроках литературы в школе дает представление 1) о встроенности современных проблем, волнующих писателя и общество, в

исторический процесс, 2) о роли публицистического слова в жизни общества, 3) о месте писателя в этом процессе, берущего на себя бремя критика, хулителя современных ему устоев, а также пророка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков И. С. Об издании в 1859 году газеты «Парус» // К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика / сост., вступ. ст. и коммент. А. С. Курилова. — М. : Современник, 1982а. С. 252—255.

2. Аксаков И. С. Речь о А. С. Пушкине // К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика / сост., вступ. ст. и коммент. А. С. Курилова. — М. : Современник, 1982б. С. 263—280.

3. Аксаков К. С. О русском воззрении // К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика / сост., вступ. ст. и коммент. А. С. Курилова. — М. : Современник, 1982в. С. 197—198.

4. Аксаков К. С., Аксаков И. С. = Аксаковы. Литературная критика / сост., вступ. ст. и коммент. А. С. Курилова. — М. : Современник, 1982.

5. Распутин В. Г. Эти двадцать убийственных лет. — М. : Эксмо, 2012.

6. Рейфман П. С. К истории славянской журналистики (статья третья) // Проблемы литературной типологии и исторической преемственности / отв. ред. Ю. М. Лотман. — Тарту, 1981. С. 73—85. (Труды по русской и славянской филологии. XXXII. Литературоведение. Учен. записки Тарт. гос. ун-та).

7. Рейфман П. С. К истории славянской журналистики 1840—1850-х годов (статья пятая) // Типология литературных взаимодействий / отв. ред. З. Минц. — Тарту, 1983. С. 73—84. (Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение: Учен. записки Тарт. гос. ун-та).

8. Смирнов Ю. Б. Народность // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. — М. : Сов. энцикл., 1987. С. 235—236.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская